

Раздел III. Лингвокреативные аспекты текстовой деятельности

АВДЕЕВА Г. А.

г. Нижний Тагил, Россия

g_avdeeva_64@mail.ru

821.161.1

DOI 10.26170/ufv20-02-21

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ И ЦИТАТЫ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ДУША МОЯ ПАВЕЛ»

Аннотация. В статье анализируется роль филологических аллюзий и цитат в романе А. Варламова «Душа моя Павел». Отмечается, что часть цитат и аллюзий филологического характера играет роль своеобразного «шифра» для «посвященных» (филологов). Важную функцию в романе выполняют литературные цитаты и аллюзии, отсылающие читателя к произведениям не только русской, но и зарубежной литературы. Так, важна в романе «Душа моя Павел» отсылка к произведению Э. Хемингуэя «Старик и море»: история героя Варламова соотносится с прецедентной ситуацией, описанной в повести Хемингуэя. Наиболее значимым в романе является пушкинский текст, а точнее, сам образ Пушкина как фигуры, символизирующей некую гармонию в искусстве и жизни, а также идею всеобщей любви.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, цитата, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация, диалогичность текста.

AVDEEVA G.A.

Nizhniy Tagil, Russia

PHILOLOGICAL ALLUSIONS AND CITATIONS IN THE «MY SOUL PAUL» NOVEL BY A. VARLAMOV

Abstract. The article analyzes the role of philological allusions and citations in A. Varlamov's "My soul Paul" novel. It is noted that some citations

and allusions of a philological nature play the role of a kind of "cipher" for "initiates" (philologists). Literary citations and allusions that refer the reader to works of not only Russian but also foreign literature perform an important function in the novel. So, in the novel "My soul Paul", a reference to the work of E. Hemingway "The old man and the sea" is important: the story of the Varlamov's character correlates with the precedential situation described in the Hemingway's story. The Pushkin's text, or, more precisely, the image of Pushkin as a character symbolizing a certain harmony in art and life, as well as the idea of universal love, is of the most importance in the novel.

Keywords: intertextuality, allusion, quotation, precedential name, precedential text, precedential situation, dialogicity of the text.

Проблема межтекстового взаимодействия давно интересует исследователей, но по-прежнему остается актуальной для современной филологии. Под интертекстуальностью, как правило, понимается «присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых введенных рассказов» [Арнольд 1992: 53]. Вопрос о количестве и типологии интертекстуальных элементов остается открытым. См., например, классификацию, предложенную Н.А. Фатеевой [Фатеева 2007]. Безусловно, наиболее распространенными и неоднократно описанными в литературе видами интертекстуальных элементов являются цитата и аллюзия. В понимании термина «аллюзия» нет однозначности: она может пониматься как намек на определенный исторический факт или известное имя, как отсылка к претексту, как правило, литературному и даже как крылатое выражение. Мы придерживаемся широкого понимания аллюзии как отсылки и к известному топониму, антропониму (прецедентному имени), и к историческому событию (прецедентной ситуации), и к литературному тексту (в том числе и прецедентному тексту).

Проблема интертекстуальности оказывается особенно актуальной в связи с анализом текстов современной литературы: «ранее интертекстуальность являлась лишь одним из приемов наряду с другими, а сейчас это самый выдвинутый прием и неотъемлемая часть постмодернистского дискурса... Если ранее, в

начале XX века, авторы стремились ассимилировать интертекст в своем тексте... ввести мотивировку интертекстуализации, то конец века отличает стремление к диссимилации, к введению формальных маркеров межтекстовой связи, к метатекстовой игре с «чужим» текстом» [Фатеева 2007: 31-32].

Цель данной статьи – проанализировать роль тех цитат и аллюзий в романе А. Варламова «Душа моя Павел», которые носят филологический характер, то есть отсылают либо к литературному источнику, либо к научному (связанному с филологией как наукой). Сам автор назвал роман «антифилологическим», но поскольку его герои филологи – студенты филологического факультета МГУ, мы предполагаем наличие как раз «филологического» интертекста в произведении.

Само название романа уже содержит в себе пушкинскую цитату. «Заглавие «Душа моя Павел» – пушкинское. Так поэт начал шутивную «нравоучительную» запись в альбом сына Петра Вяземского... «Душа моя Павел, /Держись моих правил, /Люби то-то, то-то, / Не делай того-то. / Кажись, это ясно. / Прощай, мой прекрасный» [Алексей Варламов: <http://>]. Данная отсылка задает своеобразный «филологический» тон повествованию, с одной стороны, а, с другой стороны, намекает на специфику жанра «романа взросления» (так жанр произведения определил автор).

Значительная часть названий глав произведения также содержит либо цитату (в том числе в трансформированном виде), либо аллюзию, причем часто именно филологического характера. Так, например, глава «Девятнадцатое» вся посвящена Пушкину (19 октября – дата выпуска из лицея). Часть заголовков отсылают к фольклорным произведениям: «Сестрица Аленушка», «Не ешь пирожок...». Одна из глав называется «Фольклорная практика». Интересен заголовок, содержащий своеобразную автоцитату, – «Мыслительный волк». В 2014 году вышел роман А. Варламова «Мысленный волк».

Часть заголовков явно ориентирована на специалиста-филолога: «Глокая куздра», «Фант, Халле, Якобсон». Название главы включает имена филологов-лингвистов, которые вряд ли известны широкому читателю. Имена Р. Якобсона, М. Халле и

Г. Фанта объединяет авторство совместной работы об универсальной акустической классификации.

Обратимся непосредственно к тексту романа. В произведении активно цитируются либо другим способом упоминаются не только произведения А. С. Пушкина, но и других авторов как русской (в том числе советской) литературы, так и зарубежной. Среди этих авторов А. Солженицын, Ф. Достоевский, Л. Толстой, О. Мандельштам, Ф. Сологуб, В. Шукшин, Венедикт Ерофеев, братья Стругацкие, а также Дж. Оруэлл, Э. Хемингуэй, Г. Г. Маркес и др.

С точки зрения исторической наиболее архаичными являются отсылки к античной мифологии. Они своеобразно вводятся в текст романа. В момент простоя в работе на поле из-за дождя студенты напиваются. И абсолютный трезвенник Павел доходит до такого состояния, что утром начинает ощущать невыносимые головные боли. «Наверное, у *Зевса* так болела голова, когда рождалась *Афина Паллада*, но этого Павлик не знал, потому что *Зевса* и *Афину* толковала студентам всех отделений первого курса филологического факультета в девятой аудитории Первого гуманитарного корпуса божественная *Аза Алибековна Тахо-Годи*, легко переходя с русского на древнегреческий и обратно». «*Афина* в голове взорвалась». «Павлик и сам не понял, как очутился на улице, где мысли его неожиданно прояснились и набросились на него с яростью и обидой, как маленькие злые божественные *эринии*» [Варламов 2018: 174-175]. В данном случае упоминание имен античных богов (в том числе и богинь мщения – эриний), а также обращение к прецедентной ситуации (рождение *Афины*) иллюстрируют состояние героя, который испытывает не только физические мучения (похмельное состояние), но и психологические: «И ничегошеньки от Павликовой гордости и достоинства не осталось – одно унижение и позор» [Варламов 2018: 175]. Показательна и авторская ирония в использовании данной «божественной» аналогии, которая подчеркивает филологическую некомпетентность Павла («но этого Павлик не знал»).

Особую роль в романе играет пушкинский текст, о чем свидетельствует и название произведения. Сам автор в одном из интервью обращает внимание на то, что его герой – «пушкинского склада человек и пушкинских держится правил» [Басинский: http]. Пушкинские цитаты активно включаются в ткань романа. Но, безусловно, наибольшая концентрация пушкинского текста представлена в главе «Девятнадцатое». Сыроед, лишенный привычной дозы алкоголя, от злости начинает нападать на Пушкина и не только на него, а на всю русскую литературу XIX века за ее «вранье», отсутствие пресловутого реализма. Часть персонажей присоединяется к этим нападкам. Речь идет и о превращении образа Пушкина в некий штамп: «Пушкин – наше все, Пушкин – наше солнце...» и др. А в это время Павел размышляет о том, что ему непонятно, «как можно было любить это хмурое время (осень – А.Г.), что в нем находить, какое вдохновение и бодрость, какое, к черту, *очей очарованье*, глаза б его не видели? ... Ну так всех этих лицеистов-бездельников, *прекрасен их союз*, и заслат в совхоз, как бы они тут запели... А вообще, хорошо вот так лежать в тепле, и говорить о Пушкине, и пробовать его кусать, щипать и дразнить. Почему у вас то не так Александрович, почему это? А ему самому смешно в его высях. Смотрит на них и хохочет. Эх, *племя младое, незнакомое*. Дурное, нелепое. Наследнички. Да вцепляйтесь вы в мои бакенбарды, сколько хотите, висните на них, пишите свои глупые курсачи и дипломы, защищайте смешные диссеры...пейте, ешьте, пляшите и веселитесь за мой счет, но главное, живите, любите друг друга, пока вам жизнь дана» [Варламов 2018: 273]. (Выделения курсивом наши. – Г.А.) Данный фрагмент интересен и тем, что внутренняя речь героя постепенно сменяется собственно авторской речью. Автор явно иронизирует по поводу скепсиса персонажей и нападок на «солнце русской поэзии». Приведенный отрывок иллюстрирует характерное для текста, особенно для данной главы, включение атрибутивных цитат: поскольку речь идет о Пушкине, цитаты довольно органично включаются в ткань произведения, легко распознаются читателем. В данной главе можно увидеть и отсылку к нашумевшей в свое время

книге Абрама Терца (псевдоним А. Д. Синявского) «Прогулки с Пушкиным», автор которой посягнул на «наше все», позволил себе иронично и весело написать о великом поэте. Синявский как раз и боролся с теми, кто превратил фигуру Пушкина в некий фетиш, памятник, похоронил его живую фигуру под грудой штампов и стереотипов.

В тексте романа присутствуют и неатрибутированные цитаты, отсылающие к пушкинскому тексту. Особый случай цитации представлен в главе «Повторная апелляция», когда Павел встречает Семибратского в потустороннем мире, и тот дает «метафизическое» объяснение его испытаниям: «В него столько сил вбухали, лучших ребят с курса сорвали, готовили их специально. А он, видите как, ума вроде набрался, а организм не сдюжил. Да и сам тоже... Нет, чтоб себя побережь... А то – *и жить торопится, и чувствовать спешит*. Все сразу хочет?» [Варламов 2018: 333]. Выделенная цитата принадлежит П. Вяземскому, но известна она в большей степени из-за того, что была взята в качестве эпитафии к роману в стихах «Евгений Онегин». Таким образом, данная характеристика Павла заставляет читателя вспомнить название романа, ассоциативно связанное и с Пушкиным, и с Вяземским; а также жанр произведения – роман взросления.

Аллюзийный характер носит и глава «Как поймать рыбу», в которой явно содержится отсылка к тексту известной повести Э. Хемингуэя «Старик и море». В данном эпизоде герой романа как бы повторяет метафорически историю старика Сантьяго, боровшегося с огромной рыбой, победившего ее, но потерявшего свой трофей в схватке с акулами. Павел то ли во сне, то ли в болезненном бреде видит себя на берегу, где он рыбачит вместе с Передистовым. В какой-то момент начинается его борьба с большой рыбиной, в которой герой одерживает победу. Казалось бы, исход схватки героя Варламова противоположен финалу новеллы Хемингуэя. Но сразу же после окончания схватки с рыбой Павел отвечает Передистову на его фразу о «взрослении» героя: «Мне не удалось их переубедить». Таким образом, Павел вовсе не ощущает себя победителем.

Отсылка к повести Хемингуэя в романе Варламова явно не случайна. Не потому ли и возникает она, когда произведение выходит на «метафизический» уровень? Сама притча-новелла Хемингуэя неоднозначна и вызывает различные интерпретации. Герой борется с природными силами за свою добычу и, казалось бы, терпит крах. Но есть и другая точка зрения, что старик терпит поражение, но в высшем смысле он остается непобежденным: «Человека можно уничтожить, но нельзя победить» [Хемингуэй 1972: 648]. Возможно, данная аналогия проясняет и суть характера главного героя книги Варламова. Герой, представляющий собой «совокупную душу всего советского народа, новой «интернациональной» нации», обречен на поражение. Сам автор в одном из интервью так комментирует «миссию» своего персонажа: «Павлик – это ... осуществившаяся мечта, удавшийся советский человек. Павлик инфантилен, но добр душою, чист, свободен, и, как блоковский скиф, сзывает изверившуюся, разваливающуюся, изъеденную лицемерием страну на братский пир труда и мира. Он дает ей последний шанс, не догадываясь о том, что его все равно не послушают и ему еще придется пережить распад его возлюбленной Родины и сокращение прекрасной географической карты, которую он выучил наизусть и повсюду с собой таскает. В противовес антиутопиям, обращенным в будущее, я пытался написать утопию о прошлом» [Басинский: [http](http://)].

Литературные аллюзии в романе многочисленны. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все. Интересна дискуссия об авторе «Слова о полку Игореве», которой посвящена целая глава. Важную роль в тексте романа играет не только фигура Пушкина, но и А.И. Солженицына. Его имя не упоминается, но Павлу Непомилуеву дают прочитать «Архипелаг ГУЛАГ» под обложкой «Острова сокровищ». Павлик сначала с ненавистью воспринимает содержание книги, находясь под воздействием советской пропаганды, которая видела в Солженицыне главного врага СССР. Но постепенно он понимает правоту автора «Архипелага»: «Она (книга) не столько открывала ему глаза, сколько за-

полняла лакуны и отвечала на неотвеченные вопросы» [Варламов 2018: 254].

Не менее интересны в романе интертекстуальные элементы научного филологического (лингвистического) характера. Так, например, аллюзийный характер носят имена (клички) некоторых оппонентов Павла – старшекурсников, к которым его подселают в лагере: *Бодуэн* (явно намек на известного лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, крупнейшего теоретика языкознания) и *Бокренок*. На последнем имени остановимся подробнее. В этом имени заключена аллюзия на некую искусственную фразу на основе русского языка, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Фраза обычно используется в практике преподавания русского языка для иллюстрации грамматического значения слова. Считается, что фраза использовалась академиком Л. В. Щербой в 1930-е годы на вводных лекциях по курсу «Основы языкознания». Широкую известность фраза приобрела благодаря книге Льва Успенского «Слово о словах» [Успенский 1962].

«Глокая куздра» поразительным образом «отрывается» в произведении от своего чисто филологического игрового содержания в главе «Волчье вымя», когда Павлик в некоем метафизическом пространстве романа размышляет о проблемах своей любимой многострадальной советской страны: «Я понимаю, что вы и так очень долго терпели, знаю, что вас обманывали часто и веры у вас почти не осталось... Это ведь все *глокая куздра*, это она нас захватила и обманула, а мы решили, что она и есть советская власть. А она только маскируется под советскую, она ложная, как ядовитый гриб, и мы ее вырвем, прогоним, мы всех *бокров, бокренков, бокрят и бокренушей* от нее защитим и не дадим никого *курдячить*» [Варламов 2018: 338]. «Глокая куздра» превращается в некий символ иррациональной силы, которая мешает построению справедливого советского общества.

В романе присутствуют и христианские аллюзии, но рамки статьи не позволяют нам обратиться к их анализу.

У критиков справедливо возникает вопрос к автору о соотносительности романа «Душа моя Павел» с другим произведением Варламова – повестью «Здравствуй, князь» начала 90-х. Герой повести, мальчик из северной глубинки, также приехал покорять Москву. Время в повести тоже совпадает с романным – 80-е годы. Автор сам признает своеобразный диалог между этими произведениями. Подробнее о перекличке данных произведений см. нашу статью [Авдеева 2019].

Проанализировав характер интертекстуальных элементов, представленных в романе, мы можем отметить преобладание цитат и аллюзий филологического характера, что обусловлено содержанием произведения. Часть их выполняет роль своеобразного «шифра», который может быть понятен лишь «посвященным» (филологам). В этом случае можно говорить о реализации игровой и парольной функций метатекстовых связей.

Важную роль в романе играют интертекстуальные элементы, отсылающие читателя к художественной литературе: отечественной и зарубежной. В частности, важна отсылка к повести Хемингуэя «Старик и море»: история героя романа соотносится с ситуацией, предполагающей необходимость борьбы, отстаивания своих взглядов, несмотря на возможность поражения.

Интертекстуальный характер носит название произведения, которое создает установку на диалогичность, а также акцентирует внимание на его жанре – *романе взросления*. Поэтому наиболее значимым в анализируемом произведении является пушкинский текст, а точнее, сам образ Пушкина как фигуры, символизирующей некую гармонию в искусстве и жизни. По мнению самого автора, главный герой романа – «пушкинского склада человек и пушкинских держится правил». Он мечтает об идеале братства, любви, взаимопомощи в пушкинском понимании.

Литература

Авдеева Г.А. Роль аллюзий в описании политического сознания героев А. Варламова: на материале повести «Здравствуй, князь» и «Душа моя Павел» // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2019. – С. 6-10.

Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности // Вестник СПбГУ, серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 4. – С.53-61.

Басинский П. Беги, Павлик, беги! Писатель Алексей Варламов о своем новом романе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://godliterature.ru>

Варламов А. Душа моя Павел: роман взросления. – М., 2018.

Варламов Алексей: «Нужно читать сердцем, а не препарировать книги» [Электронный ресурс] – Режим доступа: portal-kultura.ru/books/201912-aleksey-varlamov-nuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre...

Успенский Л. Слово о словах; Ты и твое имя. – Л., 1962.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007.

Хемингуэй Э. Старик и море // Хемингуэй Э. Рассказы. Прощай, оружие. Старик и море. – М., 1972. – С. 599-660.

REFERENCES

Avdeeva G.A. Rol' allyuzij v opisaniі politicheskogo soznaniya geroev A. Varlamova: na materiale povesti «Zdravstvuj, knyaz'» i «Dusha moja Pavel» // Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivnyj povорот. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Ekaterinburg, 2019. – S. 6-10.

Arnol'd I. V. Problemy intertekstual'nosti // Vestnik SPbGU, seriya 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. – 1992. – Vyp. 4. – 53-61.

Basinskij P. Begi, Pavlik, begi! Pisatel' Aleksej Varlamov o svoem novom romane. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://odliterature.ru>

Varlamov A. Dusha moja Pavel: roman vzrosleniya. – M., 2018.

Varlamov Aleksej: «Nuzhno chitat' serdsem, a ne preparirovat' knigi» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: portal-kultura.ru/books/201912-aleksey-varlamov-nuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre...

Uspenskij L. Slovo o slovah; Ty i tvoe imya. – L., 1962.

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti / N. A. Fateeva. – M., 2007.

Heminguej E. Starik i more // Heminguej E. Rasskazy. Proshchaj, oruzhie. Starik i more. – M., 1972. – S. 599–660.

©Авдеева Г.А., 2020

Данные об авторе

Авдеева Галина Анатольевна – канди-

Author's information

Avdeeva Galina Anatolevna – Candidate

дат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и массовых коммуникаций. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Адрес: 622013, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57/1, к.220.

E-mail: g_avdeeva_64@mail.ru

of Philology, Docent of the Department of Philological Education and Mass Communications. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute, a branch of the Russian State Professional and Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russia).